

—

XIII.

— ... — Се Чаньюэ промолчал.

«Ты — первый в истории Шестикратный чемпион, зачем ты так? Это же разрушает все детские фантазии о героях».

Впрочем, Се Чаньюэ больше не стал капризничать. В конце концов, в словесных дуэлях он Гу Сьюаню точно не был соперником.

На третий день после оглашения «Золотого списка» Гу Сьюань вместе с другими цзиньши* впервые посетил утреннюю аудиенцию. Там им были пожалованы соответствующие должности: те, кто занял высшие места, зачислялись в Академию Ханьлинь; остальные либо отправлялись в провинции, либо ждали вакансий в Шести министерствах.

[*Цзиньши (進士, jìnshì) — обладатель высшей степени на императорском экзамене, проводившемся в столице раз в три года. Это последний этап экзаменов после уездного (сюцай) и провинциального (цзюйжэнь).]

Гу Сьюань, разумеется, без всяких сомнений попал в Ханьлинь, получив должность Сючжуаня (историографа-составителя) — чиновника шестого ранга.

С тех пор как система государственных экзаменов стала основным способом отбора талантов, в народе говорили: «Не став цзиньши, не попадешь в Ханьлинь; не попав в Ханьлинь, не войдешь в Кабинет министров». Статус выходца из Академии Ханьлинь считался верхом «чистой знатности».

Должность Гу Сьюаня в основном заключалась в составлении «Истинных хроник»* — то есть ведении записей о словах и поступках императора, дневников его повседневной жизни, фиксации текущих политических событий, а также в подготовке черновиков официальных текстов перед различными торжественными церемониями. По сути, это было нечто вроде должности помощника председателя совета директоров.

[*«Истинные хроники» (Shi Lu): официальная история правления каждого императора, составлявшаяся в Китае после его смерти на основе ежедневных записей.]

Поскольку его ежедневная работа заключалась в том, чтобы повсюду следовать за императором, он очень быстро стал «первым любимцем» Его Величества. Во-первых, его каллиграфия, напоминающая «железные штрихи и серебряные крючья», вызвала у императора искреннее восхищение коллекционера. Во-вторых, Гу Сьюань был невероятно начитан и обладал абсолютной памятью: что бы император ни захотел сказать или узнать, у подчиненного всегда был готов четкий ответ. Для любого руководителя такой сотрудник — предел мечтаний.

В итоге всего через два месяца Гу Сьюань был повышен до Шицзян сюэши (ученого-чтеца) пятого ранга. В то же время его сокурсники-цзиньши всё еще мучились и страдали, готовясь к итоговой аттестации в Академии Ханьлинь в конце года.

Узнав об этом, Ван Сюй лишь несколько раз смачно сплюнул от зависти.

В этот день, рассчитав время окончания утренней аудиенции императора Юнцзя, Гу Сьюань вместе со своими подчиненными — делопроизводителем (дяньбу) и секретарем (шичжао) — направился в зал Циньчжэн, чтобы ожидать возможного вызова Его Величества.

Однако едва они подошли к боковой двери дворца, как изнутри донеслись яростные крики и звон разбитого фарфора. Двое помощников за его спиной мгновенно задрожали.

«Сопровождать императора — всё равно что сопровождать тигра», и это были не пустые слова.

Гу Сьюань мельком взглянул на них и сухо бросил:

— Сохраняйте спокойствие.

Услышав этот знакомый холодный голос, помощники немного уняли дрожь. Хотя Гу Сьюань был почти на десять лет моложе каждого из них, от него исходило безграничное чувство уверенности.

После болезни император Юнцзя стал не только более авторитарным, но и крайне капризным: вспышки ярости случались у него едва ли не каждые два-три дня. Три месяца назад, когда Гу Сьюань только заступил на службу, этих двоих чуть было не выставили вон, и только благодаря паре вовремя сказанных Гу Сьюанем слов беды удалось избежать.

Поскольку внутри явно кипели страсти, входить сейчас было неуместно. Гу Сьюань остался ждать снаружи вместе с подчиненными.

Спустя приличное время из зала один за другим вышли три человека: Первый принц, Четвертый принц и главнокомандующий гвардией Шэньву Лян Чэн. Примечательно, что на лице Лян Чэна всё еще виднелись прилипшие чайники. Это было редкостью. Гвардия Шэньву была одной из четырех «Верхних гвардий», подчинявшихся напрямую императору, и самой многочисленной — почти десять тысяч человек. Они охраняли девять городских ворот столицы, патрулировали улицы ночью, следили за соблюдением запретов и вели учет населения. Должность главнокомандующего соответствовала военному чину 3-го ранга. Это был человек, «записанный в сердце императора» — на такие посты назначали только самых преданных и близких.

По крайней мере, доверия к нему было куда больше, чем к Гу Сьюаню, который был лишь «фаворитом на поверхности». С точки зрения феодальных канонов, Юнцзя считался мудрым правителем; даже став вспыльчивым после болезни, он срывался скорее на слугах, нежели на высших чиновниках. Сложно было представить, что произошло, если он прилюдно так унизил главнокомандующего гвардией.

Несмотря на рой мыслей в голове, Гу Сьюань и бровью не повел. Напротив, он тут же почтительно склонил голову: какими бы жалкими ни выглядели эти трое сейчас, по статусу они были несоизмеримо выше него.

В этот момент из зала вышел евнух Лю и с улыбкой обратился к нему:

— Ученый Гу прибыл? Что же вы не входите? Его Величество как раз вспоминал о вас.

Гу Сьюань кивнул, поправил официальный халат и обернулся к помощникам:

— Идите в боковой зал. Тексты должны быть приведены в порядок к полудню, я лично их проверю.

— Слушаемся, — в один голос ответили те.

С таким человеком, как господин Гу, хорошо дружить — всегда чувствуешь себя под защитой, но иметь его начальником для карьериста — удача, а для любителя полентяйничать — сущая кара.

Трое высокопоставленных особ, уже собиравшихся уходить, задумчиво обернулись, глядя в спину входящему в зал Гу Сьюаню. Кажется, им пришлось заново пересмотреть степень благосклонности монарха к этому Шестикратному чемпиону.

Гу Сьюань вошел вслед за евнухом Лю и совершил глубокий поклон:

— Приветствую Ваше Величество.

Император Юнцзя посмотрел на него:

— Сьюань, ты пришел.

В этом году Гу Сьюаню исполнилось двадцать, и он получил второе имя — Сьюань, под которым его теперь знали коллеги при дворе. Только отец и папа дома звали его А-Ян, да Се Чаньюэ в минуты нежности или капризов выкрикивал его полное имя — Гу Ян.

Император посмотрел на свернутый свиток на столе и вздохнул:

— Вчера мне досталась прекрасная картина. Хотел позвать тебя, чтобы вместе придумать надпись, но вот... настроение испортили.

Он холодно хмыкнул, глядя на удаляющиеся спины за порогом:

— Я еще не умер, а мои сыновья уже только и думают, как бы обмануть отца да сожрать друг друга. И при этом у них хватает наглости каждый день просить, чтобы я назначил наследника.

Услышав столь опасные речи, Гу Сьюань поспешил утешить государя:

— Ваше Величество пребывает в расцвете сил, спешить с назначением наследника действительно не стоит. Принцы еще молоды, им нужно набраться опыта еще несколько лет.

Настроение Юнцзя заметно улучшилось. В такие моменты ему больше всего нравилось слушать о собственной молодости и силе. Он посмотрел на статную и уверенную фигуру Гу Сьюаня и пошутил:

— Если бы мои сыновья были хоть вполовину такими же способными, как ты, я был бы спокоен.

Гу Сьюань не посмел принять этот пас. Своих детей император может ругать как угодно, но если ты воспримешь это всерьез и согласишься, что принцы кому-то уступают — он возненавидит тебя до конца жизни.

Спустя время гнев императора окончательно утих. Он принялся просматривать доклады, велел Гу Сьюаню подготовить тушь и кисти. Однако идиллия длилась недолго. Юнцзя вдруг нахмурился и с силой швырнул свиток на пол, в ярости выкрикнув:

— Наследника им подавай! Наследника! Эти люди только и ждут моей кончины, чтобы освободить себе место!

Гу Сьюань отложил кисть и негромко произнес:

— Ваше Величество, прошу вас, смирите гнев.

Краем глаза он заметил упавший доклад — судя по всему, кто-то снова ратовал за назначение Пятого принца наследником.

«Хм... Сейчас тот, кто высунется выше всех, первым попадет под горячую руку».

Внезапно император, будто обращаясь к самому себе или спрашивая совета у Сьюаня, произнес:

— Если бы действительно пришлось выбирать того, кто унаследует мою империю... Кто, по твоему, подходит лучше всего?

Гу Сьюань даже не изменился в лице, подумав про себя: «Если бы выбирал я, то ни один из твоих сыновей не подходит, нужно проводить демократические выборы».

Не дождавшись ответа, император повернулся к нему. Гу Сьюань же смотрел на лежащую на столе картину «Тигр, спускающийся с горы и оглядывающийся назад». Он спросил:

— Ваше Величество, это та самая картина, на которой вы хотели видеть мою надпись?

Император кивнул.

Гу Сьюань улыбнулся:

— Действительно, великолепная работа. Мне как раз пришли на ум несколько строк.

Помимо власти, император больше всего любил каллиграфию. Услышав это, он не стал сердиться на перевод темы — в конце концов, это был вопрос, который не под силу решить простому чиновнику-чтецу.

— Что ж, Сьюань, пиши.

Гу Сьюань сделал несколько шагов к столу и, почти не раздумывая, взмахнул кистью. С первого взгляда Юнцзя был просто восхищен его возросшим мастерством, но, прочитав содержание, он изменился в лице.

Он начал медленно читать вслух:

— «Тигр — царь зверей, никто не смеет вызвать его гнев. Но есть лишь любовь отца к сыну: каждый шаг — и он оглядывается назад...»

Прочитав строки несколько раз, император Юнцзя посмотрел на Гу Сьюаня и мягко рассмеялся:

— Ох и хитрец же ты... С виду холодный и прямолинейный, а внутри — сердце, полное чуткости.

Гу Сьюань даже не моргнул, его голос остался ровным:

— Ваш покорный слуга — лишь верный подданный Вашего Величества. Моё единственное желание — чтобы государь пребывал в добром расположении духа.

Увидев, с каким ледяным и серьезным лицом этот человек произносит столь откровенную лесть, Юнцзя на мгновение даже растерялся, не зная, смеяться ему или сердиться. В конце концов он добродушно проворчал:

— Сьюань, тебе следовало бы быть капельку мягче с людьми. Взять хотя бы твоих подчиненных. Помнится, прежний ученый-чтец давал им совсем мало поручений, они даже в кости вместе играли — жили душа в душу.

Гу Сьюань прямо посмотрел на императора:

— В этом мире есть чиновники, которые искусны в общении, а есть те, кто искусен в делах. Я же уверен, что стану первым среди тех, кто делом доказывает свою пользу. Даже если я не буду заводить никаких знакомств, меня всё равно будут вынуждены использовать и принимать всерьез.

— ... — император Юнцзя впервые почувствовал, что подчиненный буквально заткнул его за пояс.

«Ну и самоуверенность у тебя, парень!»

Однако он не разгневался, напротив — такая прямота показалась ему невероятно искренней и даже... милой?

«Милой?» Если бы Се Чаньюэ услышал такую оценку, он бы до самой ночи не перестал подтрунивать над мужем.

Император посмотрел на лежащий на краю стола доклад и внезапно произнес:

— Сьюань, за это время я заметил, что ты весьма проницателен и обладаешь талантом к расчетам. Помнится, недавно ты помог этому старому лису сверить счета Управления церемоний и казны Даин.

Евнух Лю, стоявший на коленях, тут же отозвался:

— Ваше Величество видит всё насквозь.

Император усмехнулся:

— Я не для того поминаю старое. Сьюань, ты ведь действительно хорош в расследованиях и логических выводах?

Евнух Лю, уловив ход мыслей императора, поспешил поддакнуть:

— Истинно так. Когда пропадали вещи, ученому Гу стоило лишь оглядеться, и он тут же указывал на вора. А те нестыковки в казне, над которыми все бились неделями, он привел в порядок за один присест.

— «Есть лишь любовь отца к сыну: каждый шаг — и он оглядывается назад...» — процитировал император строки с картины. — Раз уж и ладонь, и тыльная сторона руки — всё это моя плоть, то не стоит терзаться тайными подозрениями и губить родственные чувства. Пусть всё будет выставлено на свет божий под ясным небом!

Юнцзя строго посмотрел на Гу Сьюаня:

— Гу Сьюань! Повелеваю тебе: возьми мой личный приказ и проведи полное расследование дела о хищении и тайной продаже оружия в гвардии Шэньву. Ты должен докопаться до самой сути и представить мне ясный результат.

На лице Гу Сьюаня отразилось надлежащее изумление:

— Хищение оружия? В гвардии Шэньву?

Император Юнцзя после выздоровления взял бразды правления в ежовые рукавицы. В тот день ему пришла в голову мысль проверить состояние складов, снаряжения и уровень подготовки своих личных гвардейцев — «Четырех верхних гвардий».

И что же? Лучше бы не проверял.

Вскрылось огромное количество «мертвых душ», на которые выписывалось жалованье. Но хуже всего дела обернулись в гвардии Шэньву: по спискам там числилось десять тысяч человек, а на деле — едва восемь тысяч.

Но самым страшным было другое: на складах обнаружилось лишь около девяти тысяч единиц вооружения. Не хватало более тысячи комплектов. Поскольку оружия всё еще было чуть больше, чем реально присутствующих солдат, пропажу долго не замечали.

В эпоху, когда добрый меч или доспех ценились дороже человеческой жизни, пропажа оружия была в сотни раз опаснее «мертвых душ». Обычно такое случалось в пограничных войсках, когда солдаты умирали от голода и от отчаяния втихую сбывали казенное добро — но и за это виновных нещадно казнили.

Гвардия Шэньву же подчинялась лично императору. Даже если в стране был неурожай, Министерство обрядов и Военное министерство костями ложились, чтобы обеспечить их всем лучшим и в избытке.

Пропажа такого количества мечей и копий означала одно: кто-то ворует и продает оружие в частные руки. А если мыслить глубже — кто-то готовит мятеж, ведь этого арсенала хватит, чтобы полностью снарядить тысячу отборных бойцов.

Гу Сьюань прищурился. Его догадки подтвердились. Увидев Лян Чэна в дверях, он уже заподозрил неладное. В оригинальной истории это событие стало великим переломом: именно тогда начался закат Пятого принца и семьи Ван, Первый принц попал под подозрение, а доселе незаметный Четвертый принц вдруг привлек внимание императора и стал рассматриваться как преемник.

Покидая дворец в тот день, Гу Сьюань уже не был «одиноким ученым». В дополнение к императорскому золотому жетону он нес тонкую тетрадь с записями. В ней были результаты его сегодняшнего труда: за день во дворце он перелопатил гору реестров и счетов гвардии Шэньву. Осталось лишь сверить кое-какие детали дома, и завтра у него будет твердая почва под ногами для начала работы.

Когда он добрался до переулочка Юйшу, Се Чаньюэ, как обычно, возился с цветами в переднем саду, поджидая мужа. Увидев Сьюаня, он тут же бросил все дела и хвостиком последовал за ним в кабинет.

— Муж! — радостно воскликнул он, хватая его за руку. — Я недавно научился у отца ткать полотно и уже закончил целый отрез! Я хочу сшить тебе из этой ткани верхнюю рубашку.

Гу Сыюань обернулся, сжал его ладонь и кивнул:

— Хорошо. Тогда в следующий раз я тоже что-нибудь тебе сошью.

— ... — Се Чаньюэ замер.

Он представил себе мужа — холодного, величественного и сурового — сидящим за ткацким станком или с иголкой в руках. Его передернуло от этой сюрреалистичной картины.

— Муж, — сухо выдавил он, — я люблю красивые, изысканные вещи с вышивкой. Боюсь, ты не справишься.

Гу Сыюань прищурился:

— Я не справлюсь?

— А... — Чаньюэ уже научился улавливать опасные нотки в голосе супруга. Опасаясь, что тот снова найдет повод «проучить» его, он быстро сменил тему: — Муж, давай я сначала сниму с тебя мерки? Тогда я смогу сразу приступить к шитью.

Сыюань лишь приподнял бровь, не желая с ним спорить, и молча развел руки в стороны, позволяя делать с собой что угодно.

Се Чаньюэ взял бамбуковую линейку и начал замеры. Когда его пальцы скользнули по груди мужа, он почувствовал что-то плоское и твердое. За пазухой явно что-то лежало — на ощупь похоже на книгу.

— О, ты принес домой книгу почитать? — любопытствовал он. — Про что она? Интересная?

— Нет, это рабочие дела, которые я не закончил сегодня, — ответил Гу Сыюань.

Се Чаньюэ тут же нахмурился. Он знал, с какой невероятной скоростью работает его муж. Если даже он не успел и притащил дела домой, значит, объем работы просто запредельный.

Он сердито надул губы:

— Хм! Если не знать, что ты всего лишь скромный ученый-чтец, можно подумать, что ты Первый министр. Мало того, что у тебя нет ни минуты на отдых в течение дня, так еще и дома приходится работать! А люди снаружи еще смеют завидовать твоей близости к императору. Я считаю, Его Величество должен тебе не только чин повысить, но и жалованье прибавить!

Тронутый такой защитой, Гу Сыюань слегка улыбнулся и достал из-за пазухи две вещи. Одна была той самой тетрадкой, а вторая — тяжелым жетоном. Он небрежно бросил их на стол.

— Эти дела для многих — предел мечтаний. Вполне возможно, что после них и впрямь последует повышение.

— Хм... — Чаньюэ всё еще ворчал.

Он скептически потянулся к жетону. Перед глазами вспыхнул крупный золотой иероглиф «Юй», окруженный затейливыми драконьими узорами. Его тонкие пальцы дрогнули, он едва не

выронил артефакт на пол.

Придя в себя, он поспешно запихнул жетон обратно за пазуху мужу, в панике прошептав:

— Ну и смельчак же ты! Бросать императорский жетон как попало! Если кто увидит такое пренебрежение — всей нашей семье конец!

Гу Сыюань уже привык к перепадам настроения своего супруга: минуту назад тот ворчал на работу, а теперь трясся над жетоном. Он оглядел пустой кабинет и потянул супруга к себе на колени.

— И кто же нас увидит? — спросил он со своим обычным холодным видом.

Се Чаньюэ знал, что они здесь одни, но... Он не нашелся, что ответить, поэтому просто прильнул к плечу мужа и легонько куснул его.

— Это тебе за то, что опять меня дразнишь!

Гу Сыюань приподнял бровь:

— С тех пор как я вернулся, я не сделал ничего предосудительного и едва сказал пару слов. Как же я тебя дразню?

Чаньюэ, не желая слушать доводы разума, буркнул:

— Дразнишь и всё тут!

— Дразню, значит? — Сыюань внезапно поднял взгляд и пристально посмотрел на сидящего на нем супруга.

Чаньюэ стало немного не по себе под этим взглядом, но он упрямо подтвердил:

— Угу...

Гу Сыюань прищурился, и его большие ладони медленно скользнули по бокам Се Чаньюэ.

— О, значит, я дразню тебя вот так?

Из-за того, что он целыми днями держал кисть, на кончиках его пальцев образовались тонкие мозоли. Сейчас был разгар лета, Чаньюэ был одет в тончайшую рубашку, и его нежная кожа мгновенно отозвалась на это прикосновение.

— Муж, я был неправ... — быстро затараторил он.

Гу Сыюань, сделав вид, что не слышит, продолжал вести руками вверх по линии талии. Вскоре его пальцы через ткань нащупали определенную точку. Он бесстрастно взглянул на Чаньюэ и слегка коснулся её кончиком пальца.

Се Чаньюэ вздрогнул всем телом и, издав тихий стон, уткнулся мужу в плечо:

— Муж... ты правда издеваешься надо мной...

— Что ж, пусть будет так, — холодным тоном ответил Гу Сыюань.

Пока его голос оставался ледяным, пальцы нашли вторую симметричную точку и начали плавно поглаживать её — движения были обманчиво легкими и нежными. В другое время Чаньюэ бы растаял от такой ласки, но сейчас, через слой тонкого летнего шелка, это было похоже на невыносимый зуд. Кровь прилила к лицу, тело обмякло, и он едва удерживал равновесие на коленях мужа.

В конце концов Се Чаньюэ решил идти ва-банк. Он сердито вцепился в воротник Сьюаня и, тяжело дыша, выпалил:

— Хм! Хватит тянуть кота за хвост! Если хочешь — делай это по-настоящему, «с настоящими мечами и копьями»! Если я сегодня хоть бровью поведу — я не герой!

Увидев этот доведенный до отчаяния вид, Гу Сьюань наконец проявил каплю сострадания. Он наклонился, слегка прикусил его алую губу и, взглянув на бамбуковую линейку на столе, сухо произнес:

— На этот раз я тебя отпускаю. Ты еще не закончил замеры. Продолжай.

Се Чаньюэ чувствовал себя совершенно разбитым, руки едва поднимались, а весь его героический запал испарился так же быстро, как и появился. Однако, встретившись с властным взглядом мужа, он послушно потянулся за линейкой — побоялся, что последствия отказа будут куда серьезнее.

Его белые пальцы скользнули к шее Гу Сьюаня. Чтобы не дать тому повода для новых издевательств, он старался вообще не касаться кожи. Но чем больше он нервничал, тем легче было совершить ошибку. Его рука дрогнула, и пальцы нечаянно задели выпуклый, сексуальный кадык мужа. Сердце Чаньюэ пропустило удар.

Гу Сьюань опустил глаза и бесстрастно заметил:

— Попрошу не использовать этот момент, чтобы лапать меня.

— «О...» — жалобно отозвался Се Чаньюэ.

Увидев, что муж не собирается продолжать издевательства, он облегченно выдохнул.

«Хм... Я же просто хотел сшить ему одежду! Я здесь даритель, почему же я в итоге оказался в таком жалком положении?»

Он изо всех сил постарался забыть ощущение его кадыка под пальцами и продолжил замеры: ширина плеч, спины... Спустя вечность, когда были записаны последние цифры, Се Чаньюэ наконец выпрямился и шумно перевел дух.

Слава богу, закончили.

Гу Сьюань мельком взглянул на его сияющее от радости лицо. Внезапное движение руки — и Чаньюэ снова рухнул к нему в объятия.

— Ты... м-м-м!.. — глаза гера расширились.

Гу Сьюань обхватил его изящный подбородок, наклонился и полностью накрыл его алые губы своими.

Долго. Это был невероятно долгий и глубокий поцелуй.

Лишь когда у маленького гера покраснели уголки глаз, а губы припухли, Гу Сьюань наконец отпустил его. Он встал с кресла, невозмутимо подошел к рабочему столу и принялся изучать ту самую тетрадь с записями.

— ... — Се Чаньюэ остался сидеть на стуле в полном одиночестве.

Он чувствовал, что сегодня с ним обошлись крайне несправедливо. Но сопротивляться не смел.

.....

На следующее утро.

В ворота поместья цзюньцзюня в переулке Юйшу постучал отряд суровых людей. Стоило привратнику Чэнь Сяолю открыть дверь и увидеть эту кавалькаду, как у него подкосились ноги.

Но в этот момент за его спиной раздался знакомый холодный голос:

— Впусти их. Это ко мне.

Странное дело — к Сяолю мгновенно вернулись силы. Он выпрямился и с достоинством зашагал к своей камере, не желая позорить лицо поместья перед чужаками.

Гу Сьюань, заложив руки за спину, подошел к предводителю отряда:

— Генерал Сун, благодарю за пунктуальность.

Сун Ци покачал головой, его голос звучал сухо и жестко, как лязг стали:

— Я исполняю волю императора. Мои люди в вашем распоряжении, господин Гу.

Сьюань уже успел составить представление о характере этого человека, поэтому не стал тратить время на лишние церемонии. Он сразу направился к карете:

— В таком случае — в путь!

— Слушаюсь! — люди мгновенно запрыгнули в седла и на козлы. В мгновение ока строй был сформирован.

Это были гвардейцы Лунсян (Парящего дракона), которых Юнцзя дополнительно выделил для помощи в расследовании. Гвардия Лунсян — личные телохранители императора, которых в народе называли «телохранителями с мечами». Их было всего пятьсот человек, но каждый стоил сотни врагов. Их главнокомандующий также был чиновником 3-го ранга.

Эти пятьсот человек делились на Верхнюю, Среднюю, Нижнюю, Левую и Правую гвардии Лунсян. Сун Ци был генераломлевой гвардии Лунсян — чиновником 4-го ранга, что по статусу было выше текущего ранга Гу Сьюаня.

Почти сотня всадников в чешуйчатых доспехах, вооруженных до зубов, пронеслась по длинным улицам столицы, сопровождая карету о четырех лошадях. Несмотря на июльский зной, от этого шествия веяло могильным холодом. Знающие люди, узнав форму гвардии Лунсян, бледнели: в столице назревала буря, которая явно закончится горой отрубленных голов...

Гвардия Шэньву отвечала за охрану девяти городских ворот. Их лагерь располагался в северном пригороде. Сейчас все подразделения были заперты в казармах, а охрана ворот

временно передана столичному гарнизону.

Когда карета Гу Сьюаня в сопровождении свирепых всадников прибыла к лагерю Шэньву, их встретили враждебно.

Один из офицеров Шэньву злобно крикнул:

— Что людям Лунсян понадобилось в нашем лагере?

Между «Верхними гвардиями» всегда существовала негласная вражда.

Сун Ци, обычно немногословный, холодно усмехнулся:

— Вы сами знаете, что натворили. К чему этот спектакль?

— Ах ты... — офицер Шэньву схватился за рукоять меча. — Похоже, ты пришел сюда за смертью.

— Стоять.

Резкий холодный окрик заставил всех замереть. Гвардейцы Лунсян расступились, и все увидели человека, вышедшего из кареты.

Высокий, в багряном официальном халате, с ледяным лицом. В его руке был императорский золотой жетон.

— Гвардия Лунсян помогает мне в расследовании дела о хищении военного имущества в гвардии Шэньву. Вы собираетесь сопротивляться проверке? Это государственная измена.

Голос был очень молодым и чистым, но в нем звучала стальная уверенность человека, не знающего компромиссов.

Лица гвардейцев Шэньву исказились от злобы, но перед жетоном, символизирующей присутствие самого императора, им оставалось только пасть ниц:

— Да здравствует император! Десять тысяч лет жизни императору!

Гу Сьюань прошел сквозь толпу, не глядя по сторонам, и остановился в самом центре лагеря. Гвардейцы Шэньву поднялись с колен.

Тот самый офицер подошел ближе и спросил, прищурившись:

— И как же господин намерен проводить проверку?

Гу Сьюань был бесстрастен:

— Все офицеры и солдаты гвардии Шэньву, причастные к этому делу, должны быть немедленно взяты под стражу. Я заберу их в Министерство наказаний для допроса под пытками. С сегодняшнего дня лагерь Шэньву закрыт. Без моего личного приказа никто не имеет права сделать ни шагу вонне. Никаких одиночных перемещений: в туалет или спать — только под конвоем.

— Ха-ха-ха! Забрать всех причастных? — офицер расхохотался. — Вы хоть знаете, сколько это людей? Вы их допросить-то успеете? Или собираетесь хватать кого попало и вешать дело на

первого встречного под вымышленным предлогом?

После этих слов гвардейцы Шэньву, будто заранее сговорившись, подняли шум. Посыпались насмешки и угрозы:

— Мы день и ночь патрулируем столицу, проливаем пот, и теперь из-за пары-тройки виноватых нас всех должны арестовать?!

— Если не объяснитесь, мы не позволим увести ни одного человека! Мы гвардия Шэньву, а не скот!

— Сопляк, еще волосы на лице не выросли, а уже лезет дела расследовать! Иди домой, к мамке под бок!

Сун Ци прищурился. Ему тоже показалось, что Гу Сьюань действует слишком жестко. Сьюань — ученый, он может не понимать психологию военных. Эти люди привыкли смотреть смерти в глаза. Если довести их до бунта — сегодня здесь прольется много крови.

Гу Сьюань посмотрел на стоящего перед ним офицера:

— Как твое имя?

Тот нагло ухмыльнулся:

— Скрывать не стану. Мэн Бинь!

— Офицер Мэн Бинь из третьего подразделения Южного лагеря? — уточнил Сьюань.

Ухмылка сползла с лица Мэн Биня, он выпрямился:

— Так точно.

Гу Сьюань кивнул:

— Хорошо. Твое подразделение в полном составе, «мертвых душ» нет. А теперь возьми своих двести пятьдесят солдат и полностью блокируй северную линию лагеря Шэньву. С этого момента — ни входа, ни выхода. Даже для вашего главнокомандующего Лян Чэна исключений нет.

— Есть! — инстинктивно выкрикнул Мэн Бинь, но тут же осекся, почувствовав неладное.

В этот момент Гу Сьюань начал вызывать людей по именам. Мэн Бинь решил повременить с возражениями.

Гу Сьюань громко провозгласил:

— Лю Бо из первого подразделения Западного лагеря, выйти из строя! Возьми своих двести сорок одного человека и блокируй северо-восточную линию лагеря. Инструкции те же.

— У Кай из четвертого подразделения Восточного лагеря, выйти из строя!..

— Вэнь Цу из первого подразделения Восточного лагеря, выйти из строя!..

— Центральный лагерь...

Вызванные командиры переглянулись. В их глазах читалось изумление и радость от того, что подозрение с них снято. Однако Гу Сьюань не остановился. Он продолжал зачитывать имена:

— Пан Мин, Лоу Кай... Вэй Лан, Шэнь Чанье... Выйти из строя!

Те, чьи имена были названы, с энтузиазмом выходили вперед, полагая, что они тоже в списках «чистых» и будут назначены в караул.

Но Мэн Бинь и четверо других надежных командиров были в замешательстве. Сначала они восхитились тем, как точно этот юноша вычислил честных офицеров, но теперь... Среди тех сорока-пятидесяти человек, которых он вызвал сейчас, было немало «черных овец»!

В этот момент Гу Сьюань стремительно взмахнул рукой, давая знак гвардейцам Лунсян, и ледяным тоном приказал:

— Разоружить всех. Перебить руки и ноги, арестовать и доставить в тюрьму Министерства наказаний.

Реакция гвардейцев Лунсян была молниеносной. На лицах тех гвардейцев Шэньву, чьи имена только что прозвучали, еще играли улыбки, когда на них набросились по двое: один резким ударом валил с ног, другой — коротким движением ломал конечности, мгновенно лишая возможности сопротивляться.

От этой свирепой и четкой сцены у всех присутствующих перехватило дыхание.

Гу Сьюань посмотрел на оставшихся гвардейцев Шэньву, его лицо оставалось бесстрастным:

— Ваше положение не означает, что подозрения сняты. Просто у вас их меньше, чем у этих людей. Пока я не завершу расследование, никому не позволено покидать лагерь ни на шаг. Любая попытка будет приравнена к мятежу. Кроме того, я буду вызывать вас на допросы в любое время.

Закончив, он даже не стал смотреть на их реакцию.

Сьюань достал стопку тетрадей и бросил их Мэн Биню и остальным четырём офицерам:

— На время блокады — по тетради на каждый отряд. Вести подробные записи согласно моим требованиям. Кто ослушается — будет признан соучастником.

— Слушаемся! — в один голос ответили пятеро офицеров, чье почтение к этому юноше теперь не знало границ.

Точно так же, как и при приезде, карета в сопровождении сотни гвардейцев Лунсян покинула лагерь и направилась напрямик к тюрьме Министерства наказаний. Только теперь поперек седел почти половины всадников были перекинуты стонущие тела арестованных.

Гу Сьюань действовал нарочито громко, не выказывая ни малейшего желания скрывать свои намерения.

В это же мгновение весть о том, что новый Чжуаньюань Гу Сьюань возглавил расследование дела о хищении оружия в гвардии Шэньву, разнеслась по всем знатным домам и государственным ведомствам столицы.

Дело о краже оружия касалось безопасности императора и стабильности в столице. Никто не

ожидал, что главным следователем назначат мелкого чиновника пятого ранга, который на службе всего несколько месяцев. Насколько же безграничным должно быть доверие императора?

В поместье графа Суйнина

— Что ты сказал? Чанъе бросили в тюрьму Министерства наказаний?! Личные гвардейцы императора схватили его? И даже перебили руки и ноги...

Услышав новости от слуг, вторая госпожа Шэнь едва не лишилась чувств:

— Как же так? Чанъе такой послушный и добрый мальчик...

Стоявшая рядом старая няня Чжао поспешно подхватила её под руки:

— Госпожа, госпожа, нельзя отчаиваться! Нужно найти хозяина, найти старого господина, нужно спасти молодого господина!

— Да, да... — вторая госпожа Шэнь вскочила и бросилась к выходу из двора. — К старому господину! Нужно просить его спасти Е-эра, ведь это его родной внук...

Спустя некоторое время вторая госпожа Шэнь вышла из покоев старого господина совершенно раздавленной. Няня Чжао бросилась к ней:

— Ну как? Что сказал старый господин?

Глаза госпожи Шэнь были красными от слез:

— Сказал, что дело связано с хищением оружия. То, что Лунсян лично хватили людей — воля императора. Не только нашу семью это коснулось, других тоже. Сейчас все затаились — кто сунется просить за своих, тот покойник. Но какое отношение кража оружия имеет к моему Е-эру? Нашей семье разве не хватает серебра?..

Няня Чжао тоже запаниковала:

— Что же делать? Молодому господину переломали конечности, а в тюрьме его наверняка ждет пыточный допрос. Он никогда не знал таких страданий! Что если... что если он не...

Слушая причитания няни, вторая госпожа Шэнь чувствовала, как её сердце разрывается на куски. Она так сильно вцепилась ногтями в запястье няни, что те сломались, но она даже не заметила боли. Закрыв глаза и сглотнув слезы, она прошептала:

— Еще старый господин сказал... что есть один человек. Только он может спасти Е-эра. Я пойду просить его.

Няня Чжао обрадовалась:

— Кто это?

Госпожа Шэнь покачала головой:

— Найди Хуань-эра. Пусть он пойдет со мной.

Переулок Юйшу

Се Чаньюэ сидел дома и кроил ткань. Вчера он с таким трудом снимал мерки — теперь он обязан сшить рубаху, которая заставит Гу Сьюаня смотреть на него с восхищением.

В этот момент пришел привратник Чэнь Сяолю. Чаньюэ нахмурился:

— Кто, ты говоришь, пришел?

Сяолю, знавший о старых обидах хозяина, понизил голос:

— Вторая госпожа из поместья графа Суйнина и пятый молодой господин, Шэнь Чанхуань.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281595>